

ЦИФРОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И НОРМАТИВНЫЕ РИСКИ

Каримов Э.Р.

Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. В условиях цифровой трансформации публичной сферы демократия как форма правления, основанная на народовластии все чаще реализуется через технологически опосредованные формы политического участия, что актуализирует необходимость их теоретического и институционального исследования. Цифровая демократия становится важным элементом современной политической практики, затрагивая способы взаимодействия граждан с публичной властью, механизмы легитимации решений и характер политической коммуникации. В этом контексте, особую значимость приобретает анализ институциональных эффектов цифровой демократии и связанных с ней нормативных рисков в различных политических системах. Цель статьи состоит в теоретическом анализе цифровой демократии как формы институционализованного политического участия, а также в выявлении ее институциональных эффектов и нормативных рисков в современной публичной политике. Методологическую основу исследования составляют политико-институциональный анализ, а также структурно-функциональный метод. Результаты. Цифровая демократия есть институционально детерминированная форма политического участия, встроена в институциональную структуру публичной власти и модифицирующая традиционные механизмы представительства и публичных консультаций. Ее институциональное содержание проявляется в совмещении традиционных и цифровых процедур политического участия, пересмотре институциональной логики коммуникации и обратной связи между органами публичной власти и гражданами, а также в формировании гибридных конфигураций публичной власти, в которых цифровые платформы и алгоритмические посредники выполняют функции агрегирования, фильтрации и артикуляции общественных предпочтений. Одновременно цифровая демократия сопряжена с нормативными рисками, связанными с алгоритмизацией политических процессов, фрагментацией публичной сферы и воспроизводством цифрового неравенства, что ограничивает возможности универсализации ее моделей и требует институционального и правового осмысления и закрепления.

Ключевые слова: цифровая демократия, политическое участие, публичная власть, политические институты, институциональные эффекты, нормативные риски, легитимность, цифровое участие, политическая коммуникация, алгоритмизация политики.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

DIGITAL DEMOCRACY AS A FORM OF POLITICAL PARTICIPATION: INSTITUTIONAL EFFECTS AND NORMATIVE RISKS

Eldar R. Karimov

South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract. In the context of the digital transformation of the public sphere, democracy as a form of governance based on popular sovereignty is increasingly implemented through technologically mediated forms of political participation, which actualizes the need for their theoretical and institutional analysis. Digital democracy is becoming an important element of contemporary political practice, affecting modes of interaction between citizens and public authority, mechanisms of decision legitimization, and the nature of political communication. In this context, particular significance is attached to the analysis of the institutional effects of digital democracy and the normative risks associated with it across different political systems. The purpose of this article is to provide a theoretical analysis of digital democracy as a form of institutionalized political participation, as well as to identify its institutional effects and normative risks in contemporary public politics. The methodological framework of the study is based on political-institutional analysis and the structural-functional approach. Results. Digital democracy is an institutionally determined form of political participation embedded within the institutional structure of public authority and modifying traditional mechanisms of representation and public consultation. Its institutional content is manifested in the combination of traditional and digital procedures of political participation, the revision of the institutional logic of communication and feedback between public authorities and citizens, as well as in the formation of hybrid configurations of public authority in which digital platforms and algorithmic intermediaries perform functions of aggregating, filtering, and articulating public preferences. At the same time, digital democracy is associated with normative risks related to

the algorithmization of political processes, the fragmentation of the public sphere, and the reproduction of digital inequality, which limits the possibilities for the universalization of its models and necessitates their institutional and legal conceptualization and consolidation.

Keywords: digital democracy, political participation, public authority, political institutions, institutional effects, normative risks, legitimacy, digital participation, political communication, algorithmization of politics.

Funding: Independent work.

Введение.

Современное развитие политических систем характеризуется углубляющейся цифровой трансформацией публичной сферы, затрагивающей базовые механизмы политического участия, коммуникации и институционального воспроизводства власти. Цифровые технологии все в большей степени интегрируются в практики публичного управления и демократического взаимодействия, формируя новые формы включенности граждан в политический процесс. В этих условиях особую актуальность приобретает феномен цифровой демократии, который становится не просто технологическим дополнением традиционных демократических процедур, а самостоятельным направлением институциональных изменений [1; 2].

Цифровая демократия развивается на стыке классических моделей демократии и новых форм сетевого взаимодействия, что приводит к усложнению и неоднозначности ее теоретического осмысления и практической реализации. С одной стороны, цифровые инструменты расширяют возможности участия, снижают барьеры включенности и усиливают эффективность обратной связи между обществом и публичной властью, в результате общество становится более политически активным. С другой - они трансформируют устоявшиеся институциональные механизмы представительства, делиберации и легитимации политических решений, порождая новые нормативные и управленческие вызовы.

Особенность современной цифровой демократии заключается в том, что она реализуется в различных политических условиях, демонстрируя вариативные институциональные эффекты в зависимости от типа политического режима, уровня институциональной зрелости и состояния политической культуры. В одних случаях цифровые формы участия способствуют институциональной адаптации и повышению уровня транспарентности власти, в других же - приобретают инструментальный характер и встраиваются в механизмы управляемого участия. Это делает необходимым аналитическое разграничение демократического потенциала цифровых практик и связанных с ними нормативных рисков.

Обсуждение.

В современном политологическом дискурсе понятие «цифровая демократия» формируется на пересечении исследований демократии, политического участия и цифровых технологий и не обладает единым, общепринятым определением. Это обусловлено как многообразием теоретических подходов, так и различиями в эмпирических практиках цифрового

участия, складывающихся в конкретных политических системах.

В широком смысле, цифровая демократия рассматривается как совокупность форм и механизмов политического участия, опосредованных цифровыми технологиями и встроенных в институциональную структуру публичной власти. При этом акцент делается не столько на технологическом измерении, сколько на изменении логики взаимодействия между гражданами и политическими институтами.

Как отмечает Добробаба М.Б., «цифровая демократия является одним из компонентов цифрового государства и представляет собой эволюционную трансформацию традиционной демократии, обусловленную цифровизацией политико-правового пространства, новый способ политического участия, с помощью которого граждане могут выразить свою политическую волю, используя ИК» [3].

В рамках одного из распространенных подходов, цифровая демократия интерпретируется как инструментальное расширение демократических процедур, направленное на повышение доступности участия, прозрачности принятия управленческих решений и эффективности обратной связи между властью и обществом [4]. В этом контексте, цифровые технологии рассматриваются как средство оптимизации уже существующих демократических институтов, а именно, выборов, публичных консультаций, обращений граждан, механизмов общественного контроля. Такой подход подчеркивает преемственность цифровой демократии по отношению к классическим моделям демократии (но не отменяет их) и трактует ее как эволюционное развитие представительных форм политического участия.

Альтернативная исследовательская линия акцентирует внимание на трансформационном потенциале цифровой демократии, связывая ее с изменением самой природы демократического процесса [5]. В рамках данного подхода, цифровая демократия рассматривается как фактор, способствующий размыванию монополии традиционных институтов представительства на артикуляцию и агрегацию общественных интересов. Цифровые платформы, сетевые сообщества и алгоритмические механизмы анализа данных формируют новые пространства политической коммуникации, которые частично выходят за пределы формализованных институциональных процедур. В результате, демократия приобретает более децентрализованный и сетевой характер, что ставит под вопрос устойчивость классических институциональных форм.

Соотношение цифровой демократии с представительной моделью демократии носит неоднозначный характер. С одной стороны, цифровые инструменты могут усиливать представительные институты, повышая их открытость и прозрачность, упрощая каналы взаимодействия с избирателями и расширяя возможности участия между электоральными циклами. С другой - цифровизация создает предпосылки для частичного обхода институтов представительства за счет прямых форм коммуникации и мобилизации, что может снижать роль посреднических структур и изменять баланс между представительством и непосредственным участием. Например, исполнительные органы власти при формировании государственных проектов и стратегий ориентируются на результаты цифровых общественных обсуждений, прямых линий с первыми лицами региона, государства; при этом роль представительных органов сводится к формальному утверждению уже сформированных решений, что смещает баланс от представительства к непосредственным формам участия. Такое смещение не всегда объективно и целесообразно.

В отношении делиберативной модели демократии, цифровая демократия часто рассматривается как потенциальный ресурс расширения публичного обсуждения и вовлечения граждан в процессы выработки остросоциальных управленческих решений. Цифровые платформы теоретически создают условия для более широкого участия в дискуссиях, обмена аргументами и коллективного формирования позиций. Вместе с тем, эмпирические исследования указывают на то, что цифровая среда нередко способствует фрагментации публичного пространства, усилению эффектов селективной коммуникации и снижению качества делиберации. В этом смысле, цифровая демократия не тождественна делиберативной, а лишь частично пересекается с ней, воспроизводя как ее возможности, так и ограничения [6].

В рамках институционального подхода, цифровая демократия все чаще трактуется как форма институционализованного политического участия; то есть, как совокупность устойчивых, нормативно закрепленных и процедурно оформленных практик цифрового взаимодействия граждан с публичной властью. Речь идет не о спонтанной сетевой активности, а о таких формах участия, которые встроены в систему публичного управления и признаются легитимными со стороны государства. К ним относятся электронные консультации, цифровые общественные обсуждения, цифровые выборы, платформы инициативного участия, электронные петиции и иные механизмы, обладающие формализованным статусом и определенными юридическими последствиями.

Развитие цифровой демократии оказывает комплексное воздействие на традиционные механизмы политического участия, прежде всего на институты выборов, представительства и публичных консультаций. Цифровые инструменты постепенно

встраиваются в существующие институциональные процедуры, модифицируя их формы, темпы и способы взаимодействия с гражданами. Например, в Москве цифровая платформа «Активный гражданин» используется для проведения городских голосований и опросов, которые институционально дополняют работу представительных органов и публичных консультаций, ускоряя принятие решений и изменяя формат взаимодействия власти с гражданами [7].

В электоральной сфере это проявляется в расширении цифровых сервисов информирования избирателей, использовании электронных форм администрирования избирательного процесса, а в ряде случаев - в экспериментальных практиках дистанционного электронного голосования. Такие изменения не отменяют классические электоральные институты, но трансформируют их операционную логику, усиливая технологическую составляющую процедур легитимации власти. Так, например, внедрение онлайн-платформ для проверки данных в списках избирателей, подачи заявлений о включении в реестр по месту пребывания и получения разъяснений о порядке голосования снижает транзакционные издержки участия в выборах и повышает их доступность [8; 9]. Одновременно автоматизация подсчета голосов и цифровизация документооборота между избирательными комиссиями ускоряют процедуры подведения итогов и повышают координацию избирательного процесса. При этом данные новации не устраняют традиционные механизмы представительной демократии, а переосмысливают их функционирование, смещая акцент с формальной регламентации процедур на их технологическую обеспеченность и эффективность как инструмента легитимации публичной власти.

Институты политического представительства также подвергаются структурным и функциональным сдвигам. Цифровые каналы коммуникации позволяют представительным органам и политическим акторам поддерживать постоянное взаимодействие с гражданами вне рамок электоральных циклов, что расширяет формы обратной связи и повышает интенсивность политического участия. Например, развитие официальных аккаунтов парламентов, депутатов и политических партий в социальных сетях и на специализированных цифровых платформах позволяет гражданам напрямую обращаться к своим представителям с запросами, жалобами и инициативами [10].

Одновременно усиливается конкуренция между институционализированными формами представительства и прямыми цифровыми практиками выражения политических позиций, что изменяет традиционный баланс между делегированием полномочий и непосредственным участием граждан в политическом процессе.

Гибридизация традиционных и цифровых процедур участия становится одной из ключевых характеристик институциональной динамики цифро-

вой демократии. Традиционные механизмы не вытесняются цифровыми, а дополняются ими, формируя смешанные модели политического участия. В этих моделях сохраняется нормативная и процедурная основа классических институтов, но одновременно возрастает роль цифровых интерфейсов, платформ и алгоритмов, обеспечивающих организацию участия и обработку политически значимой информации.

В результате трансформации механизмов участия, изменяется и логика взаимодействия между государством и обществом. Коммуникация приобретает более непрерывный и многоуровневый характер, а ожидания граждан в отношении доступности, оперативности и прозрачности политических решений существенно возрастают. Государство в этих условиях все чаще выступает не только как источник решений, но и как оператор цифровых инфраструктур участия, что усиливает институциональную зависимость политического процесса от технологических решений и формирует новые требования к их нормативному регулированию.

Цифровая демократия способствует формированию новых институциональных конфигураций публичной власти, в рамках которых традиционные политические институты все в большей степени взаимодействуют с цифровыми платформами и алгоритмическими посредниками [11]. Цифровые платформы становятся важным элементом институциональной среды публичной политики, выполняя функции посредничества между государством и обществом. Через них осуществляется сбор общественных инициатив, проведение консультаций, агрегация запросов и мониторинг общественных настроений.

Так, Н.А. Третьяков, отмечает, что «под цифровыми платформами, или «китами», понимаются технологические экосистемы, обеспечивающие масштабную интеграцию пользователей, данных и сервисов» [12].

Тем самым, платформы включаются в процессы принятия решений не напрямую, а опосредованно, формируя инфраструктурные условия для политического участия и взаимодействия. Их влияние определяется не только формальными полномочиями, но и архитектурой цифровых интерфейсов, правилами модерации и алгоритмами обработки данных.

Алгоритмические механизмы, используемые для анализа больших массивов данных, прогнозирования общественных реакций и приоритизации запросов, встраиваются в управленческие процессы и начинают выполнять функцию селективного посредничества [13]. Они участвуют в фильтрации информации, определении значимости общественных проблем и распределении внимания институциональных акторов. В результате, часть функций, ранее осуществлявшихся политическими и административными институтами в ручном режиме, приобретает автоматизированный характер, что изменяет структуру ответственности и прозрачности публичной власти.

Формирование таких конфигураций публичной власти приводит к усложнению институционального ландшафта демократии.

Наряду с формально закрепленными институтами, в политическом процессе все более заметную роль играют технологические и платформенные элементы, находящиеся на стыке публичного и частного. Это усиливает гибридный характер современной демократии, в которой институциональная логика дополняется технологической, а политическое участие осуществляется через сочетание нормативных процедур и цифровых механизмов посредничества.

Цифровая демократия формируется и развивается в рамках определенных нормативных предпосылок, связанных с переосмыслением классических демократических принципов в условиях цифровой трансформации публичной сферы. В центре этих предпосылок находятся вопросы легитимности власти, инклюзивности политического участия. Цифровые формы участия расширяют возможности вовлечения граждан в политический процесс, тем самым усиливая ожидания относительно прозрачности принятия управленческих решений, а также доступности механизмов обратной связи между обществом и государством.

Принцип легитимности, в контексте цифровой демократии, все в большей степени связывается не только с формальными электоральными процедурами, но и с постоянным характером взаимодействия власти и граждан. Это проявляется в том, что онлайн-платформа общественных обсуждений, на которой граждане могут предлагать и голосовать за изменения в городском бюджете, а власти публично фиксируют учет этих предложений при принятии управленческих решения, служит практическим примером легитимности власти в условиях цифровой демократии. При этом устойчивость легитимации зависит от степени институционализации цифровых практик и их включенности в существующую нормативно-правовую систему.

Инклюзивность цифровой демократии предполагает расширение доступа к политическому участию за счет снижения временных, пространственных и организационных барьеров. Цифровые инструменты позволяют вовлекать более широкие группы населения, включая тех, кто ранее был ограничен в возможностях участия по социальным или территориальным причинам. Однако реализация данного принципа требует наличия развитой цифровой инфраструктуры, соответствующих компетенций и доверия к цифровым каналам, без чего инклюзивность приобретает фрагментарный характер.

Особое значение в нормативном измерении цифровой демократии приобретает принцип подотчетности власти. Расширение цифровых форм участия сопровождается ростом ожиданий граждан в отношении оперативности реакции государственных институтов, аргументированности принимаемых решений и возможности их публичного обсуждения.

Цифровая среда усиливает запрос на объяснимость управленческих действий и институциональную ответственность, формируя новые стандарты взаимодействия между властью и обществом [14].

И все-таки, наряду с расширением возможностей политического участия, цифровая демократия сопряжена с рядом нормативных рисков и ограничений, способных оказывать негативное воздействие на устойчивость демократических институтов, анализ которых важен для полноты данного научного исследования.

Одним из ключевых вызовов является алгоритмизация политических процессов, при которой значительная часть управленческих и коммуникативных функций передается автоматизированным системам. Использование алгоритмов в отборе, обработке и интерпретации политически значимой информации осложняет вопросы прозрачности и ясности решений, поскольку логика алгоритмического выбора зачастую остается непрозрачной для участников политического процесса.

Существенным риском цифровой демократии выступает и значительная фрагментация публичной сферы; это может проявляться, например, в ситуации, когда обсуждение одного и того же законопроекта одновременно ведется на официальном государственном портале, в социальных сетях и на независимых онлайн-форумах, но результаты этих дискуссий не сводятся в единое пространство и потому не формируют целостной публичной позиции общества.

Платформенная логика коммуникации способствует сегментации политического пространства на множество частичных дискурсов, формируемых на основе интересов, предпочтений и алгоритмической персонализации контента (пример такой ситуации представлен выше). В результате, ослабевает пространство коллективной делиберации, в рамках которого возможно формирование общезначимых политических позиций и согласованных решений.

Дополнительные нормативные ограничения связаны с распространением манипулятивных практик в цифровой среде. Использование технологий таргетирования, автоматизированных информационных кампаний и сетевых эффектов может исказить процессы формирования общественного мнения и подрывать доверие к институтам цифрового участия. В этих условиях, границы между информированием, убеждением и манипуляцией становятся менее четкими, что усложняет поддержание демократических стандартов публичной коммуникации.

Проблема цифрового неравенства также остается одним из существенных факторов, ограничивающих потенциал цифровой демократии. Неравномерный доступ к цифровым ресурсам, различия в уровне цифровых компетенций и социально-экономические различия формируют асимметрии участия,

которые могут воспроизводить или усиливать существующие формы политического неравенства. Это ставит под вопрос реализацию принципа политического равенства в цифровой среде. Согласно итогам исследования за 2023 г., приведенным в научном исследовании Курочкина Н.Д., «81,9 % россиян старше 60 лет не используют интернет, что блокирует их доступ к госуслугам (например, электронная запись к врачу через портал Госуслуг), а существующие программы цифровой грамотности для пенсионеров показывают низкую эффективность (охват менее 15 % целевой группы)» [15].

В совокупности, указанные риски указывают на амбивалентный характер цифровой демократии как формы политического участия. Расширяя институциональные возможности вовлечения граждан, она одновременно порождает новые нормативные вызовы, требующие институционального и правового осмысления. Устойчивость цифровой демократии во многом зависит от способности политических институтов интегрировать цифровые практики в нормативные рамки, обеспечивающие баланс между эффективностью участия, прозрачностью власти и сохранением демократической легитимности, а также организации необходимой цифровой безопасности (по аналитическим данным уровень киберпреступности в России демонстрирует резкую эскалацию: за третий квартал 2025 года было зафиксировано свыше 42 тыс. атак, что на 73% больше показателей прошлого года и составляет 40% от общего числа годовых инцидентов¹).

Анализ цифровой демократии в сравнительном измерении позволяет выявить вариативность ее институциональных эффектов в зависимости от типа политического режима и особенностей политической системы. В демократических режимах цифровые практики, как правило, интегрируются в существующие институты представительства и участия, дополняя их новыми каналами коммуникации и обратной связи. В гибридных и авторитарных системах цифровая демократия чаще приобретает инструментальный характер, будучи встроенной в механизмы управляемого участия и административного контроля в первую очередь, что ограничивает ее потенциал как формы расширения политической субъектности граждан.

Сравнительный анализ также указывает на ограничения универсализации моделей цифровой демократии. Технологические решения и институциональные дизайны, эффективно функционирующие в одних политических контекстах, не подлежат прямому переносу в иные системы без учета исторических, культурных и нормативных условий. В этом отношении цифровая демократия представляет собой уникальное явление, требующее адаптивных подхо-

¹ Квартал повышенной киберпреступности. За последние три месяца в России произошло 40% всех кибератак за год. Официальный сайт Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/8178908>

дов к ее институционализации и нормативному регулированию в рамках конкретных политических систем.

Результаты.

Полученные в статье результаты позволяют рассматривать цифровую демократию не как универсальную или нормативно нейтральную форму расширения политического участия, а как сложный институциональный феномен, встроенный в конкретные конструкты органов публичной власти. В этом отношении, выводы исследования соотносятся с современными направлениями политико-институционального анализа, в рамках которых цифровизация интерпретируется как фактор перераспределения властных ресурсов и изменения логики политического посредничества, а не исключительно как инструмент демократизации. Речь идет о том, что цифровизация в политике рассматривается не как простой инструмент демократии, а как процесс, который перераспределяет власть и меняет способы взаимодействия между государством, институтами и гражданами.

Значимость представленных результатов заключается в том, что цифровая демократия осмысливается через призму институциональных эффектов и нормативных последствий, что позволяет выйти за пределы технологического детерминизма, характерного для части прикладных исследований.

Интерпретация цифровой демократии как формы институционализированного участия позволяет по-новому взглянуть на трансформацию классических демократических механизмов. Гибридизация процедур участия, зафиксированная в исследовании выше, подтверждает тезис о том, что цифровые практики не вытесняют традиционные институты, а наслаиваются на них, модифицируя их функции и способы взаимодействия с гражданами.

Особое значение имеют выводы о формировании новых институциональных конфигураций публичной власти с участием цифровых платформ и алгоритмических посредников. Эти результаты позволяют расширить аналитическое поле исследований демократии за счет включения технологических акторов в анализ власти и легитимации. Платформы и алгоритмы, не обладая формальным политическим статусом, фактически, участвуют в структурировании государственной повестки, селекции общественных запросов и организации участия, что ставит под вопрос традиционные представления о границах публичной власти и ответственности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

1. Мальченков С. А., Сударев А. А. Цифровая демократия как новая форма народовластия: преимущества и недостатки // *Огарев-Online*. 2023. №8 (193). EDN: HYZAN

Нормативные риски цифровой демократии, выявленные в статье, имеют важное прикладное значение. Алгоритмизация политических процессов, фрагментация публичной сферы и воспроизводство цифрового неравенства формируют долгосрочные вызовы для легитимности демократических институтов. Эти выводы указывают на необходимость смещения исследовательского фокуса с оценки эффективности цифровых инструментов к анализу их нормативных последствий и институциональных ограничений.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет рассматривать цифровую демократию как сложную и контекстуально обусловленную форму политического участия, встроенную в институциональную структуру современной публичной власти. Она не выступает универсальной альтернативой классическим демократическим моделям, а формируется в тесной взаимосвязи с существующими институтами представительства, делиберации и публичного управления.

Цифровые практики участия дополняют традиционные механизмы демократии, одновременно трансформируя их процедурную логику, функциональные роли и способы институционального посредничества между государством и обществом.

Институциональные эффекты цифровой демократии проявляются, прежде всего, в гибридизации политического участия, при которой нормативно закреплённые процедуры сосуществуют с цифровыми форматами коммуникации и вовлечения граждан. Такое сочетание усиливает интенсивность взаимодействия между публичной властью и обществом, расширяет каналы обратной связи и повышает ожидания граждан в отношении прозрачности и подотчетности управленческих решений. Вместе с тем цифровизация участия изменяет баланс между представительными институтами и прямыми формами политического выражения, что ведет к перераспределению функций и символических ресурсов легитимации власти.

Сравнительный анализ подтверждает, что институциональные эффекты цифровой демократии существенно различаются в зависимости от типа политического режима, уровня институциональной зрелости и состояния политической культуры. Это ограничивает возможности универсализации цифровых моделей участия и подчеркивает необходимость адаптивного подхода к их институционализации и нормативному регулированию.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Лолаева А. С., Алборова М. Х. Предпосылки возникновения электронной демократии // *Право и государство: теория и практика*. 2023. №6 (222). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_6_196 EDN: LAYQOL
3. Добробаба М. Б. Цифровая демократия в России как компонент цифрового государства // *Актуальные проблемы российского права*. - 2025. - Т. 20. - № 2. - С. 27-34. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.027-034 EDN: WZAGQV
4. Дзидзоев Р. М., Лолаева А. С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. - 2022. - № 2 (14). - С. 14-20. DOI: 10.31429/20785836-14-2-14-20 EDN: RLDPKG
5. *Политическая наука в эпоху глобальных перемен: теория и практика: Сборник тезисов XV Международной молодежной научной конференции (23 ноября 2024 года, Санкт-Петербург)*. - Санкт-Петербург: Издательство Скифия-принт, 2025. - 311 с.
6. Ильин Н. С., Борисова Н. Е. К вопросу о делиберативной демократии // *Право: история и современность*. 2022. №1. DOI: 10.17277/pravo.2022.01.pp.007-012 EDN: UHALHR
7. Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. Цифровые технологии управления в действии, или об активности граждан вокруг платформы "Активный гражданин" // *Социология науки и технологий*. 2021. №1. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11005 EDN: JRDIMF
8. Подзоров Р. А. Анализ практики применения дистанционного электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации // *РСЭУ*. 2023. №2 (61). DOI: 10.22394/1997-4469-2023-61-2-154-160 EDN: VLJANG
9. Гаджиева А. О. Электронный список избирателей как новый элемент цифровизации избирательного процесса: правовые и организационные основы // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. №5. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.44.65 EDN: QKSWFA
10. Морозова О. С. Активность политических партий в социальных сетях: региональный аспект // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. №3 (72). DOI: 10.54398/1818510X_2022_3_91 EDN: GTOXFK
11. Батырева М.В., Карагулян Е.А. Методология оценки эффективности электронного участия граждан в социально-политических процессах // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 3. С. 167-183. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.9 EDN: AUYAFG
12. Третьяков Н.А. Цифровые платформы и общественный контроль публичной политики: кейс онлайн-услуг в современной России // *Общество: политика, экономика, право*. 2025. № 5. С. 169-175. DOI: 10.24158/rep.2025.5.20 EDN: KHGTMY
13. Федорченко С. Н. Алгоритмизация власти: цифровые метаморфозы политических режимов и суверенитета // *Журнал политических исследований*. Том 5 № 2, 2021. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18 EDN: QEXJLV
14. Близкий Р. С., Лебединская Ю. С. Трансформация учета и отчетности государственных финансов цифровой среды нацпроекта "Цифровая экономика" // *Вестник АГТУ. Серия: Экономика*. 2023. №1. DOI: 10.24143/2073-5537-2023-1-57-63 EDN: WUOFPG
15. Курочкин Н. Д. Факторы цифрового неравенства населения российских регионов // *Региональная и отраслевая экономика*. 2024. №3. EDN: HEWJAE

References:

1. Malchenkov S. A., Sudarev A. A. Digital democracy as a new form of democracy: advantages and disadvantages // *Ogarev-Online*. 2023. №8 (193). EDN: HYHZAN
2. Lolaeva A. S., Alborova M. H. Prerequisites for the emergence of electronic democracy // *Law and the state: theory and practice*. 2023. №6 (222). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_6_196 EDN: LAYQOL
3. Dobrobaba M. B. Digital democracy in Russia as a component of the digital state // *Actual problems of Russian law*. - 2025. - Т. 20. - No. 2. - pp. 27-34. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.027-034 EDN: WZAGQV
4. Dzidzoev R. M., Lolaeva A. S. Digital (electronic) democracy in Russia: the concept and limits // *Law Bulletin of Kuban State University*. - 2022. - № 2 (14). - Pp. 14-20. DOI: 10.31429/20785836-14-2-14-20 EDN: RLDPKG
5. *Political science in the era of global change: theory and practice: Collection of abstracts of the XV International Youth Scientific Conference (November 23, 2024, St. Petersburg)*. Saint Petersburg: Scythia-print Publishing House, 2025. 311 p.
6. Ilyin N. S., Borisova N. E. On the issue of deliberative democracy // *Law: history and modernity*. 2022. №1. DOI: 10.17277/pravo.2022.01.pp.007-012 EDN: UHALHR
7. Shipovalova L. V., Chernysheva L. A., Gizatullina E. G. Digital management technologies in action, or about the activity of citizens around the Active Citizen platform // *Sociology of Science and Technology*. 2021. №1. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11005 EDN: JRDIMF
8. Podzorov R. A. Analysis of the practice of using remote electronic voting in the electoral process of the Russian Federation. 2023. No. 2 (61). DOI: 10.22394/1997-4469-2023-61-2-154-160 EDN: VLJANG
9. Gadzhieva A. O. Electronic voter list as a new element of digitalization of the electoral process: legal and organizational foundations // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. №5. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.44.65 EDN: QKSWFA
10. Morozova O. S. The activity of political parties in social networks: a regional aspect // *The Caspian region: politics, economy, culture*. 2022. №3 (72). DOI: 10.54398/1818510X_2022_3_91 EDN: GTOXFK
11. Batyreva M.V., Karagulyan E.A. Methodology for evaluating the effectiveness of electronic citizen participation in socio-political processes // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022. Vol. 15, No. 3. pp. 167-183. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.9 EDN: AUYAFG
12. Tretyakov N.A. Digital platforms and public control of public policy: a case of online services in modern Russia // *Society: politics, economics, law*. 2025. No. 5. pp. 169-175. DOI: 10.24158/rep.2025.5.20 EDN: KHGTMY
13. Fedorchenko S. N. Algorithmization of power: digital metamorphoses of political regimes and sovereignty // *Journal of Political Studies*. Volume 5, No. 2, 2021. DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-3-18 EDN: QEXJLV

14. Blizky R. S., Lebedinskaya Yu.S. Transformation of accounting and reporting of public finances of the digital environment of the national project "Digital Economy" // *Bulletin of AGTU. Series: Economics*. 2023. No. 1. DOI: 10.24143/2073-5537-2023-1-57-63 EDN: WUOFPG

15. Kurochkin N. D. Factors of digital inequality in the population of Russian regions // *Regional and sectoral economics*. 2024. №3. EDN: HEWJAE

Информация об авторе:

Каримов Эльдар Рустамович, аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону). Popov-52@mail.ru

Eldar R. Karimov, postgraduate student at the Department of Political Science and Ethnopolitics at the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.02.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.02.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.